

И. И. ЩУКИН

Парижские поминки по Вл. С. Соловьеве

Всем своим французским знакомым Соловьев преимущественно, если не исключительно, казался каким-то штатским богословом, многоученым пропагандистом излюбленной идеи соединения церквей. Таким и был Соловьев в свое время, в бытность свою в Париже — в момент появления «*La Russie et l'Église universelle*» и лекции в великосветском салоне княг. Витгенштейн¹. С тех пор утекло много воды, и впоследствии автор «Оправдания добра» и повести об антихристе значительно умерил свои папистские тенденции. Но в последние годы он уже не приезжал в Париж. Нечего скрывать, что Соловьева мало читали во Франции. Его брошюра «*Idée russe*» так и осталась нераскупленной в книжном складе; другое вышеназванное сочинение, бесспорно, редко встречается в продаже, но, кажется, только потому, что издатель его обанкротился и все экземпляры его куда-то исчезли*. И этому нельзя удивляться. Самое мирозерцание нашего философа, его не только религиозные воззрения, но главным образом церковные симпатии не могли встретить сочувственного приема в здешних литературных и общественных кругах: одним он должен был представляться отсталым метафизиком, завзятым клерикалом; другим, напротив, чересчур опасным и либеральным союзником или слишком нерешительным, уклончивым Никодимом. Позитивисты считали его каким-то чудаковатым доктором средневековой теологии, опоздавшим своим рождением на добрые 600 лет. Католики признавали тайным единомышленником, фанатичным поборником латинства в самых его чудовищных и безнравственных явлениях. Ни те ни другие его не понимали. Прежде всего христианин и европеец, Соловьев умел возвысить-

* В последнее время, впрочем, издатель Сток задумал перепечатать вновь эту книгу Вл. С.

ся над национальными предубеждениями и конфессиональными различиями; но ренегатом в религиозном смысле, вероотступником он не был. Мудрец и поэт, он не занимался бесплодным распутыванием схоластических тонкостей, бесцельным разрешением ненужных вопросов — вся его научная и публицистическая деятельность отличалась практическим характером учительства, отвечала на важнейшие запросы культурной современности. И не его вина, что в глазах толпы вечные вопросы жизни уступают место преходящим требованиям моды; не его вина, что масса, человеческое стадо, обыкновенно бежит за разными лжепророками и не в силах распознать пророка настоящего... — Но как бы различно, каждый со своей точки зрения, ни относились к нему как литературному деятелю и выразителю определенных идеалов, — каждый невольно поддавался его неотразимому обаянию при личном общении с этим единственным, чарующим собеседником. Ближайшее же знакомство заставляло только еще более преклоняться пред этой высокой, чистой и светлой личностью. Поэтому, если для большинства французской публики имя Соловьева не скажет прямо-таки ничего, то у отдельных его знакомых и друзей оно долго будет вызывать самые отрадные и хорошие чувства.

